

Лялина Мария Андреевна

**Путешествие Н.М.
Пржевальского в Восточной и
Центральной Азии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М26

М26 **Мария Андреевна Л.**
Путешествие Н.М. Пржевальского в Восточной и Центральной Азии / Лялина Мария
Андреевна – М.: Книга по Требованию, 2023. – 337 с.

ISBN 978-5-519-94517-2

ISBN 978-5-519-94517-2

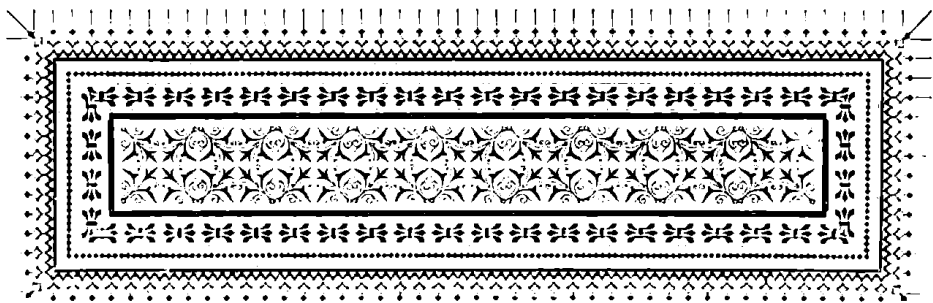
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Нѣсколько словъ о значеніи Н. М. Пржевальскаго.

Въ исторіи человѣчества неоднократно чередуются періоды усиленнаго стремленія къ тому, чтобы расширить географическій горизонтъ, съ періодами охлажденія къ географическимъ открытіямъ. Такимъ періодомъ подъема, въ которомъ географическій матеріалъ разрастался съ поразительною быстротою, была, на примѣръ, эпоха финикіянъ, походовъ Александра Великаго, завоеванія Римской Имперіи. Періодомъ же упадка географическаго интереса представляется намъ начало среднихъ вѣковъ, когда небо вновь оказалось тѣмъ хрустальнымъ сводомъ, который греческая наука воспѣвала въ раннюю эпоху своихъ зачатковъ, когда извѣстный реторъ Лактанцій поражаетъ географовъ вопросомъ о томъ: «какое значеніе для дѣла его спасенія можетъ имѣть то, что онъ откроетъ источники Нила или же изучитъ весь тотъ вздоръ, который ученые выдумали о небѣ?» Къ тысячному году всѣ познанія европейцевъ о дальнихъ странахъ ограничивались свѣдѣніями о Святой землѣ.

Но вотъ смѣлые путешественники и авантюристы внезапно расширили горизонтъ своихъ соплеменниковъ. Какъ бы магиче-

скою силою раздвинуты были и вслѣдъ затѣмъ распались средне-вѣковыя тѣсныя рамки. Передъ европейцами выступили новыя міры, обладаніе которыми совершенно измѣнило весь ходъ и даже строй европейской жизни. Начинателями этого великаго движенія являются смѣлые піонеры, впервые проникнувшіе въ тѣ среднеазіатскія глухія дебри и пустыни, съ которыми связано имя нашего великаго путешественника, *Пржевальскаго*. Мы имѣемъ въ виду религіозныя посольства и путешествія *Плана Карпини*, *В. Рубрика* и др. На ряду съ носителями христіанства по кровавому слѣду крестоносцевъ проникали однако въ Азію и торгошныя. Пиза, Генуя и Венеція вели постоянныя сношенія съ богатыми странами Азіи. Одинъ изъ смѣлыхъ сыновей царицы Адриана, Венеціи, пріобрѣлъ славу величайшаго изслѣдователя Азіи; это былъ *Марко Поло* «первый землепроходецъ всего міра и Индіи», какъ называлъ онъ на портретѣ въ Римѣ. Но вліяніе этихъ и другихъ предтечъ эпохи «великихъ географическихъ открытій» было ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ переворотомъ, который совершили несчастнѣйшій и величайшій изъ героевъ этой эпохи генуэзецъ *Христофоръ Колумбъ*, португалецъ *Васко-де-Гама*, *Магеланъ* и др. Но надъ эпохою великихъ открытій тяжелою, кровавою тучею стоитъ воспоминаніе объ ужасахъ, совершенныхъ алчными испанцами и португальцами въ открытыхъ ими заатлантическихъ странахъ.

Предпослѣдняя эпоха великихъ открытій относится къ концу прошлаго вѣка и къ началу нынѣшняго. Она не имѣла ни того распространенія, ни той важности, какъ только что упомянутая эпоха, но за то она проникнута духомъ, чуждымъ грабежа, и поэтому болѣе достойна челоуѣчества. Первые шаги къ пробужденію географическаго интереса сдѣланы были въ эту эпоху опять таки въ земляхъ близкихъ намъ, на нашемъ дальнемъ сѣверѣ и на востокѣ. Мы говоримъ о такъ называемой «великой сѣверной экспедиціи» (1734—1743), которую извѣстный полярный

изслѣдователь *Норденшюльдъ* обозначилъ «какъ одну изъ величайшихъ географическихъ экспедицій, извѣстныхъ въ исторіи»; съ нею связаны имена *Мюллера*, *Фишера*, *Гмелина*, *Штеллера*, *Красининникова* и др.; къ нимъ уже въ послѣдствіи примыкаютъ имена знаменитыхъ кругосвѣтныхъ плавателей *Кука*, *Форстеровъ*, *Крузенштерна*, *Коцебу* и др.

Въ настоящее время, наконецъ, мы несомнѣнно переживаемъ новую эру великихъ географическихъ открытій; она началась уже въ серединѣ настоящаго столѣтія и характеризуется еще большимъ преобладаніемъ научнаго интереса надъ матеріальными побужденіями и несравненно болѣе широкою постановкою задачъ научнаго путешественника. Главнымъ объектомъ современныхъ изслѣдователей-географовъ является Африка, связанная съ именами *Ливингстона*, *Стэнлея*, *Нахтигала*, русскихъ ученыхъ *Швейнфурта*, *Юнкера* и др.

Но на ряду съ Африкою интересъ географовъ съ силою, все болѣе возрастающею, приковывается къ себѣ Азія и этому наука обязана главнымъ образомъ русскимъ именамъ. Благодаря трудамъ *Федченки*, *Сьверцова*, *П. Семенова*, *Потанина* и многихъ другихъ, но конечно прежде всего благодаря *Н. М. Пржевальскому* карта Азіи совершенно измѣнилась. Не даромъ на памятникѣ Пржевальскаго будетъ красоваться смѣлая надпись «Первому изслѣдователю природы Средней Азіи»! Не даромъ Пржевальскій болѣе другихъ русскихъ ученыхъ сумѣлъ обратить вниманіе Запада на успѣхи науки въ Россіи и удостоился наивысшихъ научныхъ почестей! Пржевальскаго неоднократно сравнивали съ *Марко Поло*, но онъ неизмѣримо выше своего предшественника и по образованію, и по умѣнію наблюдать, и по идеальнымъ задачамъ своихъ путешествій. Его сравнивали съ знаменитѣйшимъ изслѣдователемъ Африки *Стэнлеемъ*, этимъ человекомъ неимовѣрныхъ успѣховъ и неимовѣрной энергіи. Но и это сравненіе далеко неудачно: Пржевальскій чуждъ той рекламы, той нена-

дежности въ сообщеніяхъ и научной неподготовленности, которая такъ умаляетъ значеніе работъ Стэнлея. Въ Пржевальскомъ мы имѣемъ передъ собою личность, открывшую густую завѣсу, которая до него застилала значительную часть Азіи, и ознакомившую насъ не только съ картою посѣщенныхъ имъ областей, но, благодаря замѣчательнымъ научнымъ коллекціямъ и наблюденіямъ, съ климатомъ, растительнымъ, животнымъ и человѣческимъ міромъ ихъ. Мы имѣемъ предъ собой человѣка, безкорыстно и съ энергіею, почти безиримѣнною, служившаго всю свою жизнь наукѣ и интересамъ своего отечества. На громадномъ разстояніи между меридіанами Пекина и Хотана и между параллелями Алтая и верховьевъ Голубой рѣки Пржевальскій среди величайшихъ опасностей и лишеній прошелъ около 30.000 верстъ; онъ палъ съ оружіемъ въ рукахъ на пути къ новымъ открытіямъ. Мы восторгаемся не только дѣяніями подобныхъ людей, но и духомъ ихъ! Имя Пржевальскаго составитъ школу среди грядущихъ русскихъ путешественниковъ, но біографія этого великаго человѣка должна вмѣстѣ съ тѣмъ способствовать общему подъему духа народнаго и будить сердца людей чуткихъ.—

Вотъ почему мы считаемъ распространеніе и популяризацию его сочиненій среди юношества дѣломъ въ высшей степени плодотворнымъ, и съ полнымъ сочувствіемъ относимся къ прекрасной мысли Маріи Андреевны Лялиной, извѣстной тщательностью своихъ работъ, поставить во главѣ серіи рассказовъ о русскихъ путешественникахъ имя величайшаго изъ нихъ.

Проф. Э. Ю. Петри.

10 Октября, 1891 года
С.-Петербургъ.

Николай Михайловичъ Пржевальскій.

Пржевальскіе ведутъ свой родъ отъ запорожскаго казака Карнилы Паровальскаго, поступившаго въ польскую службу и принявшаго фамилію Пржевальскаго *).

Въ 1581 г. за мужество и храбрость Карнилу Пржевальскому пожаловано было Стефаномъ Баторіемъ дворянское достоинство.

Отецъ Николая Михайловича былъ восьмымъ потомкомъ храбраго запорожца по мужской линіи. Онъ служилъ въ военной службѣ, но по слабости здоровья рано вышелъ въ отставку. Женившись на Еленѣ Алексѣевнѣ Каретниковой, дочери сосѣда, Михаилъ Кузьмичъ Пржевальскій поселился въ имѣніи тестя, Кимборовѣ, Смоленской губерніи, гдѣ 31 марта 1839 г. у него родился сынъ Николай, а годъ спустя — сынъ Владиміръ.

Въ 1843 г. Пржевальскіе переселились въ собственную усадьбу «Отрадное», а въ 1846 г. Михаилъ Кузьмичъ умеръ.

Елена Алексѣевна была женщина энергичная и умная. Благодаря ей распорядительности, «Отрадное» стало давать доходъ, вполне достаточный для тихой и скромной жизни. Восемь лѣтъ спустя послѣ смерти мужа, вдова Пржевальская вышла замужъ за Толыго, человѣка добраго, сердечно относившагося къ пасынкамъ.

*) По польски: «прже» значитъ черезъ; вѣлить — воевать.
Пржевальскій.

Сыновей своихъ Елена Алексѣевна любила, но не баловала и за крупныя шалости строго наказывала. Николай Михайловичъ боготворилъ мать и до конца ея жизни съ ней переносился.

Второю привязанностью Пржевальскаго, послѣ матери, была няня Макарьевна и затѣмъ дядя, Павелъ Алексѣевичъ, жившій въ имѣніи сестры.

Братья Пржевальскіе учились въ Смоленской гимназіи въ одномъ классѣ и до конца курса не разлучались.

Въ деревнѣ, за неимѣніемъ товарищей, Николай Пржевальскій сдружился съ дворовымъ мальчишкой Васькой, большимъ шалуномъ и головорѣзомъ. Мальчики продѣлывали вмѣстѣ разные шалости, за которыя имъ крѣпко доставалось.

«Не мало розогъ досталось мнѣ въ ранней юности», пишетъ Николай Михайловичъ въ своей автобіографіи, «потому что я былъ препорядочный сорванецъ». Такому строгому наказанію подвергся Пржевальскій даже въ 6-мъ классѣ гимназіи. Однажды школьники порѣшили уничтожить списокъ, въ который ставились отмѣтки. Бросили жребій и онъ палъ на старшаго Пржевальскаго, который стащилъ списокъ и кинулъ его въ рѣку. Когда этотъ подвигъ обнаружился, героя хотѣли исключить, но мать попросила его высѣчь, что и было исполнено. Пржевальскій всю жизнь былъ благодаренъ за эту мѣру и всегда возставалъ противъ уничтоженія розогъ въ заведеніяхъ.

«Что было бы со мною», говорилъ Николай Михайловичъ въ товарищескихъ бесѣдахъ, «еслибъ меня не отодрали, а исключили изъ гимназіи. Навѣрно вышелъ бы изъ меня повѣса изъ повѣсъ».

Не будь этого случая, Пржевальскій могъ бы считаться образцовымъ ученикомъ. Моложе всѣхъ годами, онъ былъ выше всѣхъ въ классѣ по развитію; о необыкновенной памяти его сохранилось много рассказовъ его современниковъ и товарищей. То, что читалъ Пржевальскій, до того запечатлѣвалось въ его

мозгу, что стоило кому нибудь много лѣтъ спустя прочесть двѣ строчки изъ извѣстной ему книги и онъ досказывалъ все остальное, ни на шагъ не отступая отъ текста.

Сосредоточенный и вдумчивый, Николай Пржевальскій неохотно сближался съ товарищами, что не мѣшало ему пользоваться всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Онъ былъ честенъ, правдивъ, вѣренъ данному слову, всегда защищалъ слабыхъ и бралъ подъ свое покровительство новичковъ, которымъ въ заведеніяхъ того времени, крѣпко доставалось.

Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали братья Пржевальскіе длинныхъ праздниковъ и въ особенности каникулъ, которые они проводили въ дорогомъ своемъ «Отрадномъ». Жили они съ дядей во флигелѣ и спали съ нимъ въ одной комнатѣ. Павелъ Алексѣвичъ былъ страстный охотникъ и эта страсть передалась Николаю Михайловичу. Цѣлые дни онъ проводилъ на охотѣ, доставляя много дичи для домашняго стола. На 12-мъ году онъ убилъ первую лисицу и съ торжествомъ принесть ее матери. Дядя снабжалъ племянниковъ порохомъ и дробью, а у матери они выпрашивали свинцовую бумагу, въ которую завертывался чай и изъ нея отлпвали себѣ пули.

Николай Михайловичъ говорилъ не разъ, что постоянное общеніе съ природою благотворно повліяло на его характеръ. Дѣйствительно, изъ него выработался человѣкъ здоровый душою и тѣломъ, тонко наблюдательный и энергичный. Охота до того увлекала его, что онъ стремился къ намѣченной цѣли, не принимая въ расчетъ препятствій.

Если случалось, въ погонѣ за звѣремъ или птицей, переплывать рѣку, онъ иногда забывалъ одѣваться и бѣжалъ за своей добычей въ природномъ одѣяніи. Однажды, во время польскаго мятежа, будучи уже офицеромъ, онъ былъ посланъ своимъ начальникомъ въ лѣсъ на развѣдки. Увлечшись охотой, Пржевальскій не замѣтилъ партіи повстанцевъ, которые непремѣнно

взяли бы его въ плѣнъ, еслибъ казакъ не подоспѣлъ на выручку.

Пржевальскій кончилъ курсъ гимназій въ самый разгаръ севастопольской кампаніи. Понятно, что впечатлительный юноша рвался на войну и 4 сентября 1855 года онъ покинулъ «Отрадное», чтобы поступить въ полкъ вольноопредѣляющимся.

Не понравилась полковая жизнь молодому человѣку; кутежи и попойки были не въ его вкусѣ и офицеры про него говорили: «онъ не нашъ, а только среди насъ». Юноша очень скучалъ по дому и семьѣ и перѣдко на охотѣ, въ лѣсу, вспоминалъ «Отрадное», плакалъ.

Пробывъ пять лѣтъ въ полку, Пржевальскій пришелъ къ убѣжденію, что съ жизнью фронтового офицера онъ никогда не сживется и задумалъ поступить въ академію генеральнаго штаба. Произведенный въ офицеры изъ юнкеровъ за выслугу, онъ вовсе не былъ знакомъ съ военными науками и ему много пришлось поработать, чтобъ приготовиться къ экзамену.

По 16-ти часовъ съ сутки Пржевальскій проводилъ за книгами и отдыхалъ только на охотѣ. При необыкновенной памяти онъ овладѣлъ научнымъ матеріаломъ очень скоро, но математика не давалась ему; съ ранняго дѣтства онъ чувствовалъ къ ней отвращеніе. Тѣмъ не менѣе, проработавъ годъ, онъ рѣшился попытать счастья и поѣхалъ въ Петербургъ. Каково же было его разочарованіе, когда онъ узналъ, что на 90 вакансій явилось 180 конкурентовъ. Онъ ни мало не сомнѣвался, что ему предстоитъ провалиться и вернуться во свояси, но вышло иначе. Половина экзаменующихся явилась совершенно неподготовленною и Николай Михайловичъ поступилъ однимъ изъ первыхъ.

Въ академіи Пржевальскій сразу же обратилъ на себя вниманіе своей паружностью. Онъ былъ высокъ ростомъ, хорошо сложенъ и очень симпатиченъ. Прядь бѣлыхъ волосъ на вискѣхъ при черныхъ волосахъ и смуглости лица, придавала этому послѣднему много оригинальности.

Время, свободное отъ занятій въ академіи, Пржевальскій посвящалъ изученію исторіи и естественныхъ наукъ, военными же предметами занимался мало, вслѣдствіе чего и вышелъ по второму разряду. Въ маѣ 1863 г. онъ отправился въ Польшу и поступилъ въ Полоцкій полкъ адъютантомъ.

Пристрастившись къ научнымъ занятіямъ, Николай Михайловичъ еще больше прежняго тяготился фронтовой службой. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находился, не было ни библіотекъ, ни музеевъ и Пржевальскій сталъ хлопотать о переводѣ его въ Варшавское юнкерское училище, куда и былъ назначенъ преподавателемъ исторіи и географіи. Здѣсь онъ очутился въ своей сферѣ и сразу же занялъ выдающееся положеніе. Умный, честный и добрый, при томъ всегда веселый и шутливый, онъ привлекалъ сердца и былъ любимъ товарищами и юнкерами. Къ послѣднимъ онъ относился съ чисто отеческимъ дружелюбіемъ и много способствовалъ ихъ развитію, устроивъ библіотеку и руководя ихъ чтеніемъ. Лекціи его были увлекательны, такъ какъ помимо знанія предмета, онъ обладалъ даромъ слова и умѣлъ оживить лекцію ссылкой на какой нибудь блестящій примѣръ или героической поступокъ. Нерѣдко онъ приводилъ выдержки изъ какого либо сочиненія, декламируя на память цѣлыя страницы. Такіе приемы увлекали юношей и пробуждали ихъ умственные силы. Прочитанный отрывокъ заинтересовывалъ читателей и они невольно ощущали желаніе прочесть все сочиненіе.

Кромѣ занятій въ училищѣ и подготовкѣ для лекцій, Николай Михайловичъ не прекращалъ работы по самообразованію. Онъ вставалъ въ четыре часа и тотчасъ же садился заниматься. Отъ 8—12 онъ читалъ лекціи въ училищѣ и наскоро позавтракавъ гдѣ нибудь по дорогѣ, отправлялся въ музей, гдѣ закрѣплялъ пріобрѣтенныя изъ книгъ свѣдѣнія. Въ 3 часа онъ снова приходилъ въ училище и занимался перенпискою, какъ правитель дѣлъ, и библіотекою. Онъ не любилъ ни общественныхъ увесе-

леній, ни театровъ, въ гости ходилъ рѣдко и то только къ сослуживцамъ; большую часть вечеровъ проводилъ дома. Иногда приходили къ нему юнкера, бесѣдовали, читали; въ случаѣ же, если хозяину нужно было заниматься, онъ не стѣсняясь уходилъ въ кабинетъ, а молодежь оставалась и проводила время за чтеніемъ. Деньщикъ угощалъ юнкеровъ чаемъ и закусками, приговаривая: «Шш. не шумите; Николай Михайловичъ этого не любитъ, когда занимаются».

Отдаваясь всей душой умственнымъ и педагогическимъ занятіямъ, Пржевальскій не переставалъ мечтать о путешествіи. Городская жизнь и кабинетныя занятія не удовлетворяли его; ему хотѣлось на просторъ, къ природѣ. Онъ задумалъ, было, пдти по слѣдамъ Беккера для открытія истоковъ Бѣлаго Нила, но для этой цѣли нужно было много денегъ, которыхъ не имѣлось и Николай Михайловичъ направилъ свои взгляды на Азію, куда надѣялся получить командировку. Но и эта надежда осуществилась не сразу. Въ Петербургѣ ему прямо сказали, что прежде чѣмъ быть назначеннымъ въ экспедицію, требующую не малыхъ затратъ, нужно чѣмъ нибудь заявить себя. Находя подобный взглядъ вполне основательнымъ, Пржевальскій сталъ хлопотать о переводѣ его на службу въ Сибирь и 17 ноября 1866 года послѣдовалъ приказъ о причисленіи его къ генеральному штабу, съ назначеніемъ для занятій въ Восточно-сибирскій округъ.

Ученики и товарищи съ грустью узнали о подобномъ назначеніи, но самъ Пржевальскій былъ въ восторгѣ. «Я радъ до безумія» писалъ онъ пріятелю своему Фатѣеву. «Мнѣ вынала завидная доля и трудная обязанность изслѣдовать мѣстность, въ большей части которой еще не ступала нога Европейца. Тѣмъ болѣе, что это будетъ первое заявленіе о себѣ ученому міру, слѣдовательно, нужно поработать усердно».
